

истории, как её субъект. Оно подменялось фрагментами истории отдельных её народов, даже в тех случаях, когда эти народы, находясь в составе Австрии или королевства Венгрии, были лишены возможности проявить себя в качестве самостоятельной политической силы. Таким образом, под углом зрения народов, не имевших собственной государственности в узком смысле, создавалась – но так и не была создана – марксистско-ленинская концепция истории Дунайской империи. Это общее правило относилось и к истории национального вопроса в Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны.

Надійшла до редколегії 12.05.2014

УДК 94(470+571)«1914/1918»

Н. В. Венгер

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ВЛАСТЬ И ВОЙНА: МОНАРХИЯ И ВЕЛИКАЯ ВОЙНА 1914–1918 гг. В ВОСПРИЯТИИ ЛОЯЛЬНОГО СЕГМЕНТА РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Досліджено значення російської монархії для консолідації лояльного сегмента російського суспільства в період Першої світової війни. Простежуючи динаміку взаємозв'язку між концептом «консолідації під егідою монарха» та ідеями «справедливої війни» і «єднання слов'янства», визначено причини зміни характеру патріотичних настроїв і радикалізації лояльного суспільства.

Ключові слова: Перша світова війна, лояльне російське суспільство, російська монархія, династія Романових, історичний образ.

Исследовано значение российской монархии для консолидации лояльного сегмента российского общества в период Первой мировой войны. Прослеживая динамику взаимосвязи между концептом «консолидация под эгидой монарха» и идеями «справедливой войны» и «единения славянства», определено причины изменения характера патриотических настроений и радикализации лояльного общества.

Ключевые слова: Первая мировая война, лояльное российское общество, российская монархия, династия Романовых, исторический образ.

Im Mittelpunkt des Beitrags steht die Frage nach der Bedeutung der Monarchie in Russland für die Konsolidierung des loyalen Segments der russischen Gesellschaft während des Ersten Weltkrieges. Bei der Analyse der Dynamik der Wechselwirkungen zwischen dem Konzept der «Einigung unter dem Zepher der Monarchie» und den Ideen vom «gerechten Krieg» sowie der «Einigung des Slawentums» nennt die Autorin die Gründe für die Transformation der patriotischen Stimmungen und die Radikalisierung der loyalen Gesellschaft.

Schlagwörter: Erster Weltkrieg, loyale russische Gesellschaft, russische Monarchie, Romanov-Dynastie, Geschichtsbild.

The author investigates the significance of the Russian monarchy in Russian society loyal segment consolidation during the First World War. Studying the dynamics of the interrelation between the concept of “consolidation under the auspices of the monarch” and the ideas of a «Just war» and «Slavic unity», the author defines the reasons of loyal society radicalization.

At the beginning of the World War I Russian society, that was socially and ideologically stratified, had to form a consolidation concept. Despite the fact, that the idea to unite the empire under the auspices of the monarchy had been locked by the previous decade of the state development, it appeared itself as the only one suitable concept for activation of patriotic sentiments. As the monarch theory was not influential and self-sufficient, it was supported and forced by the popular in society ideas of «just war» and «all-Slavic unity».

Patriotic sentiments articulated loyal Russian society (the segment of the population, which did not share the radical rhetoric) to tsar Nicolay the Second, who took over the function to represent all his subjects and the empire, creating image of «the father of the Motherland» who was dedicated, determined person and who was responsible for the fate of the Russian Empire. Some other patriotic and anti-hero images were also created by Russian society public opinion. They worked on the ideology of the consolidation, strengthening and specifying it.

Thus, the concept of «consolidation under the auspices of the monarch» depended on the popularity and perception of its ideas-motivators. Slogan of unity around/with monarch was valid as long as the society believed in the ideal image of a «just war». When the war got some real negative connotations (the war is death, blood, destruction, failure) the monarch idea started failing. This new connotation of the war caused some changes in attitude towards not only the Russian tsar but a monarchy in general. The tsar was blamed as he had not complied with his great duties of protecting the homeland. The weakness of the monarchy was regarded as its passivity and sinfulness that, consequently, cancelled its symbolic meaning, turning the emperor image not only into anti-hero, but also as an enemy of the Motherland. This emotional frustration formed «ideological vacuum», that provided space for extremist propaganda and led inevitably to the radicalization of the loyal part of Russian society.

Keywords: World War I, the loyal Russian society, the Russian monarchy, the Romanov dynasty, the historical image.

Обоснование темы. Бремя власти, независимо от природы режима, представляемого ею, состоит в той ответственности, которую она возлагает на себя в переломные моменты истории государства. В условиях Великой войны 1914–1918 гг. и противостояния, прежде всего, крупных государственных образований – империй традиционного и переходного типа [4, с. 22] – гарантами национальных интересов, целостности и стабильности государств, выступали монархические династии. Они объявляли войны, подписывали дипломатические соглашения, координировали действия союзников. Вместе с тем, наиболее важная задача монархов сводилась к сохранению лидерских позиций внутри их государств, выполнению особой миссии мобилизации идейных, общественных, экономических и материальных ресурсов государства, то есть решения вопросов, которые возникали на повестке дня в экстремальных условиях военного времени. От эффективности данной деятельности, в конечном счёте, зависел уровень поддержки монархии со стороны общества. В нашем исследовании будет рассмотрен вопрос о том, какую роль в процессах мобилизации российского общества в годы Первой мировой войны выполняла царская монаршая семья. Насколько представители династии Романовых справлялись с теми ответственными функциями, которые возлагались на них, и как российское общество реагировало на тот посыл или символ, который несла в себе династия? Удавалось ли Романовым слушать и слышать время, соответствовать ритмам и настроениям общества? И, в конечном счёте, насколько монархическая идея в лице Романовых присутствовала в стихийно сформированных обществом представлениях о смыслах войны и будущего всего российского государства.

Методология. Терминология. Под российским обществом мы понимаем социально-активную часть населения империи, которая принимала участие в политических событиях и могла прямо или опосредованно влиять на процессы изменения государства и его состояние в годы войны. Как известно, в условиях непоследовательной модернизации и начального этапа развития парламентаризма, ход которых был прерван мировым конфликтом, происходила интенсивная политическая активизация социальных групп, когда в состав категории «общество» окончательно вошли низшие слои населения империи, то есть «народ». В то время, как сторонники левых радикальных взглядов (например, социалисты) в течение нескольких последних десятилетий призывали к свержению царизма, а черносотенные организации выступали под лозунгами фундаментального монархизма

и шовинизма, большая часть общества находилась на перепутье, демонстрируя по отношению к монархии либо умеренную, либо весьма индифферентную позицию. Тем не менее, уже с начала 1917 г. ряды сторонников революции существенно увеличились. Данное исследование также позволит определить те причины последовательной политической радикализации российского общества, которые напрямую не были связаны с субъективными моментами (например, пропагандой социалистов), а вызревали внутри настроений разнородного и изначально весьма индифферентного (в нашей терминологии, лояльного) к монархии общества.

Другим, ключевым для нашего исследования термином, является понятие исторического образа. Влияние прозы войны на психоментальное состояние русского общества было многообразным. Оценивая ситуацию в государстве, позитивно либо критически воспринимая позицию «верхов» в целом, устанавливая уровень влияния царя и его родственного окружения на события, определяя степень их ответственности за происходящее, общество формирует некоторый образ власти, в котором на оценочном уровне вырабатывается идея о полезности, либо «злокозненности» её действий. Безусловно, что в условиях сегментации общества, социальной стратификации империи, правильно было бы говорить о системе образов, когда каждая социальная страта предлагала свою «версию» отражаемого объекта, порой фокусируясь на частностях и рефлексирова различия детали феномена. Определение данных отдельных элементов, механизм их внесения мог бы стать одной из самых сложных служебных задач данной работы. Тем не менее, как показывают предварительные исследования, следующий шаг в формировании общественного мнения связан с образованием конечного «образного продукта», который суммирует отдельные представления и складывается в результате взаимодействия и взаимовлияния отдельных образов-составляющих. В том результативном состоянии, которое мы называем «общественным мнением» лояльного сегмента, социально-образные перегородки постепенно стираются, создавая некое общее единство, получавшее распространение и популярность в различных группах «социального преломления». Другими словами, в нашем исследовании мы хотели бы уловить некий «интегральный» образ, являющийся общим знаменателем, носителем суммарных представлений и конечным продуктом оценочной характеристики власти со стороны представителей умеренного в своем радикализме российского общества. Интегрально-всеобъемлющим его делают динамика общих эмоци-

ональных оценок (порой упрощённых, в системе позитив-негатив), смыслов в исторических перспективах развития империи. Данная надстроечно-эмоциональная структура/структуры в результате симбиоза оказывалась весьма простой и понятной для всех. При этом эмоции менялись в зависимости от содержательной стороны образа, являлись его частью и его важнейшей креатурой.

Опираясь на сохранившиеся свидетельства эпохи (дневники, письма, воспоминания), российские исследователи В. Л. Дьячков и Л. Г. Протасов предложили следующую общую схему перемен в общественном сознании периода Первой мировой войны: 1) патриотический подъём в августе – до начала зимы 1914 г.; 2) восприятие войны как повседневной реальности, осознание её сложностей в 1915–1916 гг.; 3) проявление раздражённой критики власти в конце 1916 и в 1917 гг. [14, с. 62]. Рассмотрим, насколько данные эмоциональные колебания верны для изменения презентации в обществе именно монархической идеи.

Начало войны и понимание роли российской монархии.

Поскольку решение о вступлении государства в войну принималось Николаем Романовым, важным является вопрос о том, насколько общество поддерживало данный политический шаг монарха. При том, что Первая мировая война была ожидаема политиками, в России не оказалось идеологической доктрины, или хотя бы идеи, объединившей общество. В условиях острых социально-политических разногласий, после первой русской революции и первых опытов парламентаризма в России, старый патриотический лозунг «За веру, царя и отечество» едва ли мог стать действенным инструментом для мобилизации общества. Между тем, по закону монарх всё ещё оставался главным лицом государства. В связи с этим всплеск патриотизма, любви к Отечеству и необходимости его защиты неизбежно артикулировали внимание общества на тех, кто олицетворял государство – монарха, его семью и династию Романовых в целом.

С другой стороны, в начале XX ст. монархическая идея, пусть даже в качестве символа, не могла быть самостоятельной и нуждалась в идеологическом усилении – парном «мотиваторе», который, будучи важным для общественного сознания концептом, усиливал и придавал бы ей значимости, другими словами, «включал» монархические настроения. Её роль выполняла получившая популярность в России идея общеславянского братства. Империя считала себя преемницей Византии и покровительницей славянских народов. После Боснийского кризиса 1908–1909 гг. между Россией и Сербией сфор-

мировалась связь взаимных обязательств. Однако долгое время Николай II, который, желая, подобно Александру III, прослыть миротворцем, избегал войны. На просьбу Сербии о помощи, которая прозвучала в середине июля 1914 г., царь ответил следующим образом: «Пока есть малейшая надежда избежать кровопролития, все наши усилия должны быть направлены к этой цели» [29, с. 515]. Тем не менее, определённая часть российского общества ждала от императора более решительных действий. Об этом, например, показательно свидетельствовала манифестация, прошедшая 13 июля 1914 г. в Петербурге. В ходе уличных маршей, состоявшихся ещё до объявления войны, толпа скандировала: «Да здравствует армия, да здравствует война!». Уже 20 июля, через несколько дней после начала мобилизации, площади столицы были переполнены патриотически настроенными людьми, и когда Николай вышел на балкон Зимнего дворца, толпа опустилась на колени, приветствуя своего императора – защитника славянства [29, с. 518]. Таким образом, несмотря на то, что концептуальной основой идеи о войне являлось «славянское братство», личность монарха, поддерживавшего настроения общества в русле данной идеи, ставшего гарантом выполнения важнейшей миссии России перед братскими народами, приобретала особую значимость и новый смысл¹. Образ «справедливой войны» (несомненно, скорой и успешной) реактивировал и выступал в единстве с образом «справедливого императора» – гаранта будущей победы и символа государства, готового выполнить свою историческую миссию.

Внезапная популярность войны и решение Николая II о вступлении России в мировой конфликт соответствовали великоимперским амбициям правящих кругов. Например, в беседе с издателем «Но-

¹ Пропагандируя в обществе образ справедливой войны, Романовы непосредственно обращались к братьям-славянам. 1 августа 1914 г. верховный главнокомандующий, великий князь Николай Николаевич Романов обратился к полякам, обещая восстановление единой Польши под скипетром русского монарха: «Не заржавел меч, разивший врага при Грюнвальде». Вскоре по инициативе главнокомандующего было составлено и распространено на девяти языках послание к народам Австро-Венгрии. 4 сентября 1914 г. Николай II принял депутацию чехословацких национал-монархистов. Во время встречи была достигнута договорённость о формировании чехословацких частей, а несколько позднее – и югославянских воинских соединений. В декабре 1914 г. Николай II подписал воззвание к чешскому народу, обещая после свержения «немецкого ига» создать «единое славянское государство» [4, с. 23].

вого времени» А. С. Сувориным (последний также называл войну «популярной и возвышенной») бывший министр иностранных дел А. П. Извольский утверждал: «Россия поднимется только удачной войной...» [40, с. 456]. Проявить твёрдость в решении вопроса призывал царя и новый министр иностранных дел С. Д. Сазонов (на посту в 1914–1917 гг.). Он полагал, что примирение с успехом Германии и признание Россией возможности победы кайзера будет равносильно поражению. Считая войну рискованным шагом, он, тем не менее, предлагал действовать решительно, поскольку на стороне империи выступали два мощных союзника – Великобритания и Франция [16, с. 110]. На заседании Совета Министров в июле 1914 г. влиятельный управленец, министр землеустройства и земледелия А. В. Кривошеин, убеждал: «Если Россия откажется от выполнения своей исторической миссии, она лишится всякого авторитета и будет рассматриваться как пришедшая в упадок второразрядная держава» [16, с. 101]. Несколько позднее, убеждая царя согласиться на мобилизацию, он предупреждал: «Россия никогда не простила бы царю капитуляции, которая покрыла бы срамом доброе имя русского народа» [36, с. 247].

Несмотря на то, что в начале XX в. у большей части российско-го политического истеблишмента отсутствовало стремление к дальнейшему расширению империи, все понимали, что разгром Германии неизбежно приведёт к изменению политических границ в Европе. В беседе с послом Франции, М. Палеологом, состоявшейся в ноябре 1914 г., Николай II предсказывал: «Германия должна будет согласиться на исправление границ в Восточной Пруссии... Познань и часть Силезии будут необходимы для воссоздания Польши. Галиция и Северная часть Буковины позволят достичь России своих естественных пределов – Карпат... В Малой Азии я должен буду заняться армянами... Наше дело будет оправдано и перед Богом и перед историей, только если им руководит великая идея, желание обеспечить на очень долгое время мир всего мира...» [30, с. 129]. В данных рассуждениях нашли отражение популярные в обществе идеи о взаимопомощи славян и имперском покровительстве как выражении миротворчества.

Уже 20 июля 2014 г., на следующий день после объявления войны России Вильгельмом II, в Николаевском зале Зимнего дворца произошло важнейшее патриотическое событие – молебен перед иконой Владимирской Богоматери о ниспослании победы русскому оружию. После литургии А. Васильев, протоирей придворного собора Обра-

за Спаса Нерукотворного, зачитал Манифест об объявлении войны Германии, где Николай II сформулировал задачи Российского государства: необходимость защиты территории страны, её чести, сохранение высокого положения среди великих держав, а также спасение «единокровных братьев-славян» [11, с. 65].

В краткой речи, обращённой к гвардейскому офицерству и всему российскому обществу, Николай II присягал: «Я здесь торжественно заявляю, что не заключу мира до тех пор, пока последний неприятельский воин не уйдёт с земли нашей. И к вам, собранным здесь представителям дорогих мне войск гвардии, и Петербургского военного округа, и в вашем лице обращаюсь ко всей единокровной, крепкой, как стена гранитная, армии моей и благословляю её на путь ратный» [27, с. 189–190]. Присутствующий на данном событии генерал-майор Войсков вспоминал: «Окончив свою речь звонким голосом, Государь перекрестился, и все военные преклонили свои колена перед Державным Вождём. Картина была умилительная... Многие плакали...» [27, с. 190].

На литургии присутствовали и другие представители династии Романовых. Великий князь Гавриил Константинович упоминал, что после того, как Николай Николаевич опустился на колено, весь зал последовал за ним. Будущий главнокомандующий прошёл мимо лейб-казацкого караула, надел казачью шапку и пообещал не снимать её до тех пор, покуда не закончится война. Елена Петровна, жена Великого князя Иоанна Константиновича, поцеловала императору руку в благодарность за то, что он выступил за спасение Сербии. Другие Великие князья, включая Олега Константиновича², заявили о своём желании идти на фронт [6, с. 156–157]. С этого момента в российском обществе всячески поддерживалась и популяризовалась идея неразрывного единства и органической неотъемлемой связи монархии, Российского государства и всего народа империи.

Своеобразный консенсус был достигнут и среди членов Государственной Думы. Большинство депутатов было готово сотрудничать с правительством, забыв о прошлых разногласиях. 26 июля 1914 г., день выхода Манифеста о войне с Австрией, в Николаевском зале был назначен приём членов Государственного Совета и Государственной Думы. Николай II обратился к присутствующим со следу-

² Олег Константинович действительно принимал участие в военных действиях и был смертельно ранен в бою под Вильно 27 сентября 1914 г. Скончался в госпитале.

ющими словами: «Тот огромный подъём патриотических чувств и преданности престолу, который как ураган пронёсся по всей земле нашей служит...ручательством тому, что наша матушка-Россия доведёт ниспосланную её Господом-Богом войну до желанного конца. Уверен, что вы и каждый на своём месте поможете Мне перенести ниспосланное мне испытание, и что все мы, начиная с Меня, исполним свой долг до конца» [27, с. 193]. Дума единогласно приняла военный бюджет, законопроекты, связанные с началом военных действий, одобрила идею создания Общеземского Союза и Союза городов. М. Палеолог, который также был приглашён на данное событие, писал: «Впечатления, которые я вынес из этого заседания, весьма удовлетворительны. Русский народ, который не хотел войны, который был даже застигнут войной врасплох, твёрдо решил принять её время» [30, с. 70].

В тот же день трудовики заявили о своём присоединении к большинству. Левые партии находили свои причины поддерживать войну. Они, например, агитировали, что проигрыш Германии приведёт к гибели монархии Гогенцоллернов и установлению социализма. П. Курлов в этой связи комментировал: «В войне с Германией сыграла значительную роль пресса почти всех партий...Крайне левые партии желали войны в предвидении, по примеру Японской войны, удобного момента для реализации своих преступных целей, которых им не удалось достичь в 1905 г.» [22, с. 15].

В России была начата мобилизация, и несколько позднее, 10 августа 1914 года, в своих записках М. Палеолог вновь обращается к описанию настроений общества: «Сведения, как официальные, так и частные, которые доходят ко мне со всей России, одинаковы... Везде одни и те же народные восклицания, одинаковое сильное и благоговейное усердие. Одно и то же объединение вокруг царя, одинаковая вера в победу, одинаковое возбуждение народного сознания. Никакого противоречия, никакого разномыслия. Тяжелые дни 1905 г. кажутся вычеркнутыми из памяти. Собирательная душа Святой Руси не выражалась с такой силой с 1812 г.» [30, с. 73–74]. Наблюдения Палеолога подтверждаются и другими сведениями, отражающими настроения отдельных социальных страт российского общества.

Военные, офицерство и рядовые солдаты, предвидели все сложности будущей войны. Однако в ставке также преобладали патриотические эмоции: полагали, что наступил «момент истины», реванш после поражения в русско-японской войне. По свидетельству большевика А. Пирейко, фронтовики с нетерпением ждали царя на пере-

довой. В окопах рассуждали: «Царь доверяет солдатам» [31, с. 178]. Следовательно, обмануть это доверие считалось непозволительным. Как показали события, мобилизация в армию проходила без протестов. В полуаграрном государстве большую часть мобилизованных составляли выходцы из крестьянства. Их отношение к происходящему базировалось на крестьянской психологии. По свидетельству С. С. Ольденбурга, хотя низы и не испытывали большого энтузиазма в отношении будущей войны, они оценивали ситуацию как «выполнение естественного долга перед царём и отечеством» [29, с. 520]. Несмотря на то, что после революционных потрясений начала столетия крестьянское монархическое сознание было ослаблено, их базовые архетипические представления о единстве власти, Бога и царя сохраняли свою значимость. Как свидетельствуют исследования С. В. Лурье, данный мировоззренческий постулат являлся мотивационной основой социального поведения низов российского общества. Исследовательница утверждает, что для менталитета российских крестьян была характерна вера в «своего» царя, который якобы знает чаяния народа и от которого ждут защиты от бездушия законов и чиновников. Мировоззренческой основой отношения крестьянства к войне была непреодолимая зависимость от природных и социальных сил. Непонятную им войну низы воспринимали как стихийное бедствие, рок, испытание, что неизбежно повышало религиозные настроения. Народ вверял свою судьбу и долю своих близких воле всевышнего, а, следовательно, и императору – «помазаннику Божьему» [23, с. 117]. В этой связи несколько патетичными, но весьма верными являются рассуждения министра юстиции И. Г. Щегловитова: «Только бы русский народ не был смущён в своих монархических убеждениях – и он вытерпит всё... Не забывайте, что в глазах русских, истинно-русских – его Императорское величество олицетворяет не только верховную власть, но и религию и Родину. Вне царизма нет спасения, потому что нет России... Царь есть помазанник Божий и его власть исходит от Бога... Проклятие безумцам, которые осмеливаются поднять руку на эти догматы. Конституционный либерализм есть скорее религиозная ересь... Национальная жизнь существует только в рамке из самодержавия и православия» [30, с. 150]. Верховный главнокомандующий Николай Николаевич в одном из приказов по армии напоминает солдатам: «Всякий верноподданный знает, что в России все, кроме главнокомандующего повинуются воле императора, который один обладает властью начинать и оканчивать войну» [18, с. 12–13].

Соглашаясь идти на смерть во имя Отечества, крестьянство ожидало получить воздаяние, монаршую благодарность за преданность и риск. В воспоминаниях литератора В. В. Каррика, который оставил исключительно интересные наблюдения об изучаемом нами периоде, записан рассказ одного из солдат: «Крестьяне верят, что после войны будет нарезка земли и уравнивание в правах... В среде солдат распространялись слухи о том, что Николай Николаевич издал земельный указ, мотивируя его появление тем обстоятельством, что «ведь народ воюет» [18, с. 12–13].

Постепенно под влияние патриотических лозунгов попадала и традиционно аполитичная (лояльная) интеллигенция. Особенность восприятия данных событий культурной элитой состояла в том, что интеллигенция рассматривала войну как духовное явление. Это, например, нашло обоснование в работе Н. Бердяева «Война и возрождение» [38, с. 261]. Для интеллигенции «военно-патриотическая встряска» стала некоторым душевным сдвигом, выходом из характерного для её состояния и эпохи серебряного века в целом философского самолюбования. Эпоха художественного символизма способствовало тому, что война как конкретное историческое событие, была легко превращена в символ, который, тем не менее, отличался реальностью и действенностью. О новом душевном состоянии поведал философ В. В. Розанов: «Что-то неопишное чувствуешь в себе и вокруг. Какой-то прилив молодости...» [38, с. 261]. Разделяя данные настроения, писатель Л. Андреев летом 1914 г. записал: «...Все ругают вчерашний день и верят в завтрашний. Подъём действительно огромный, высокий и небывалый: все горды тем, что русские... Если бы сейчас вдруг сразу окончилась война, была бы печаль и даже отчаяние» [38, с. 261]. Безусловно, что «декаданс» начала XX ст. определял и пессимистическое «философски ограниченное» отношение к монархии. Как следует из результатов исследования историков И. В. Купцовой и Н. Н. Смирновой, в концепциях «смыслов» войны, присущих интеллигенции, тема монархии фактически отсутствовала [38, с. 266]. Тем не менее, рассуждения Бердяева об идее русского мессианства поднимали вопрос о цивилизационной роли России, что обосновывало выход на общеславянскую идею и придавало войне определённый смысл в глазах интеллигенции [29, с. 329].

9 октября 1914 г. вышло правительственное распоряжение о призыве на военную службу студентов. По свидетельству В. В. Каррика, это вызвало патриотическую демонстрацию, в которой приняло участие около 5 тыс. чел. Размахивая шапками, с криками «Ура», юноши

несли портрет государя под звуки российского гимна. Манифестация проследовала к бельгийскому консульству и сербскому посольству. Сербский посланник вышел навстречу митингующим [18, с. 18]. По воспоминаниям одного из племянников В. В. Каррика, в патриотическом порыве один из студентов снял покров с портрета государя, лик которого студенты прикрыли в знак протеста после Кровавого воскресенья 1905 г. [18, с. 8].

Таким образом, уже на самом начальном этапе войны, близком к дате вступления империи в мировой конфликт, российское общество во многом интуитивно сформулировало для себя основные мотивационные смыслы войны (славянскую идею, достижение мировой справедливости, выполнения особой цивилизационной миссии России), которые продемонстрировали свою связь с идеей посредничества и ответственности российской монархии. Таким образом, российская монархическая идея оказывается не основным, но зримым, выполняющим служебную функцию фактором объединения разнородного и разобщённого российского общества. По утверждениям А. Д. Шеманского, одного из авторов издания «Великая война в образах и картинках» (1914–1916 гг.), с началом войны «... общественная жизнь России росла не по дням, а по часам, и сознание народа оказалось давно сформировавшимся... Россия вспыхнула как порох общим и горячим негодованием, без различия партий, пола и возраста: вчерашний социалист, анархист и ярый революционер – сегодня пели уже гимн, братались с правыми и черными партиями...» [46, с. 20].

Весьма последовательное объяснение данному феномену представил В. Б. Станкевич, юрист и философ, всесторонне образованный и прогрессивно мыслящий человек, близкий к «Вольному экономическому обществу». Он пояснял: «Война всеми воспринималась как нечто внешнее, чужеродное. Масса русского общества никогда не почувствует в войне своего собственного дела. Но настроения сочувствия и желания помочь явились немедленно и очень скоро стали всеобщими. Правда духовная мобилизация совершалась не стройно и чуть ли не каждый имел свою собственную теорию восприятия войны... Не помню, чтобы одна какая-либо идеологическая концепция или хотя бы отчетливое чувство объединяло всех. Все воспринимали войну как факт, но каждый старался по-сильному создать себе духовную картину для неё. Были значительные оттенки практического смысла восприятия. Для одних, назовём их правыми, дело сводилось к безусловной помощи правительству – в поступлении доброволь-

цем в армию или в развёртывании военно-вспомогательной деятельности... Для других задача представлялась в виде служения войне критикой правительства, предостережением его от ошибок, грозящих успеху войны: преследовании евреев, цензуре, политике Бобринского в Галиции... Но все это было различие в путях служения или использования войны, не колебля общего приятия её... Но война особо не нуждалась в теоретическом обосновании... Даже сидя в своих кабинетах, все делались немного военными... Бытовым образом война захватывала даже штатских людей... Один отличился при мобилизации удачной организацией снабжения пищей сборных пунктов. Другой увлёкся помощью семьям запасных. Третий обнаружил способности при сборе пожертвований... Даже женщины были втянуты в войну. Стали служить в лазаретах сёстрами милосердия... и о войне стали говорить с такой же готовностью, как и мужчины. Это имело огромное значение. Было не колебание, а прямое сочувствие, готовность к самопожертвованию, а подчас и требование... Как ничтожна область сознательной идеологии в войне! Заразившая массы и питаемая скрытым расположением, война превратилась в силу, побуждающую величайшие душевные переживания...» [39, с. 19–21].

Важно понимать, что наши общие представления о всплеске патриотизма и реактивации монархической идеи как символа российского общества на самом начальном этапе войны не могли быть тотальными и, вероятно, как всегда случается в системе общественных настроений, определённый процент «лояльного общества» оставался вне патриотической волны. Например, чуждая всему происходящему З. Гиппиус с иронией комментировала: «Половина физиологически заразилась бессмысленным военным патриотизмом» [38, с. 261]. Однако несомненным является то, что чувства подъёма подогревались и поддерживались обществом в целом, являясь мощным фактором воздействия на равнодушных и пессимистов. Подводя итоги 1914 г., «Вестник Европы» писал: «Всю первую половину минувшего года оппозиционные настроения общественности возрастали. Вспыхнула война, и все настроения нарастания оппозиции и недовольства вдруг исчезли. Война, как магический нож, отрезала первую половину года от второй. Война дала народу отрезвление» [29, с. 530].

Монархия как символ: герои и антиподы.

После обнародования «Манифеста» монарх становится одним из наиболее цитируемых и рейтинговых лиц в государстве. В связи с этим в фокусе общественного внимания оказались и другие представители династии, а также непосредственно семья монарха, которая,

как всячески популяризировалось, разделила судьбу своего народа, и приведёт империю к победе в справедливой войне защиты славянства.

В дневниках К. Сайн-Витгенштейн, девушки из дворянской семьи, сохранились свидетельства о патриотических и промонархических настроениях в г. Москве. Она рассказывает о том, что первые победы (заяятие Львова) праздновались в столице с лозунгами прославления царя. 23 августа 1914 г. она принимала участие в благотворительной акции сбора средств для оказания помощи армии. В толпе нашлось много сочувствующих, и «на помощь делу войны» за несколько минут монетами было наполнено три кружки. Собравшиеся и проходящие мимо пели «Боже Царя храни», «толпа подхватила и все двинулись к памятнику Скобелева. Тут манифестация приняла грандиозные размеры, восторгу и энтузиазму не было конца. Так Москва праздновала великую победу славянства» [35, с. 24].

Похоже, что и сам Николай II проникся энергией того безграничного кредита доверия, предоставленного ему обществом. На некоторое время исчезли его внутренняя скованность и духовная слабость. По воспоминаниям М. Палеолог, он «дышал решимостью, уверенностью и силой» [30, с. 87]. В дневнике генерала от инфантерии А. Н. Куропаткина находим свидетельства о том, что царь был искренне убеждён в том, что он «лучше понимал вопросы славы и пользы России» [34, с. 31–32].

Императрица Александра Фёдоровна включилась в активную общественную деятельность. Вместе с тремя старшими дочерьми, Ольгой, Татьяной и Марией, она занималась организацией благотворительных программ, опекой над беженцами и ранеными. По инициативе Николая II был основан Верховный Совет, который координировал государственные усилия с работой общественных благотворительных организаций. Отдельные городские центры Совета курировали Ольга и Татьяна («ольгинский» и «татьянинский»). Под покровительством Александры Фёдоровны было создано 70 лазаретов [1, с. 6–7].

В течение трёх лет женщины императорской семьи служили сестрами милосердия, для чего начали профессионально изучать медицину. Их учитель, профессиональный хирург Вера Гедройц, которая вела занятия в группе, состоявшей из десятков учениц, вспоминала, что Александра, Ольга и Татьяна «не играли в сестёр милосердия, а были ими в лучшем значении этого слова» [1, с. 6–7]. После сдачи экзамена и получения свидетельства императрица с дочерьми работа-

ла в дворцовом лазарете для офицеров. Она также посещала и другие госпитали, жертвуя деньги на создание часовен при них. Начальник Канцелярии министерства двора А. А. Мосолов свидетельствовал: «Зимний дворец превратился в огромную мастерскую для изготовления белья и санитарных принадлежностей, а затем стал крупнейшим госпиталем, обставленным по последнему слову науки, благодаря необыкновенным заботам императрицы» [25, с. 86]. В парадных залах Зимнего дворца в 1915 г. был открыт лазарет имени наследника цесаревича. Приближенная к императрице фрейлина Анна Вырубова вспоминала: «Их привозили издалека, всегда ужасно грязных и окровавленных. Мы обрабатывали руки антисептиком и принимались мыть, чистить, перевязывать эти искалеченные тела, обезображенные лица, ослепшие глаза – все неопишущее увечья, которые на цивилизованном языке называются войной» [13, с. 108].

Несложно предположить, что такая деятельность, фактически ежедневная работа, императрицы производила колоссальное впечатление на раненых воинов, усиливала чувства патриотизма после их возвращения в действующую армию. Один из офицеров, П. А. Голощанов, находясь на излечении в Царском селе, посвятил императрице и её дочерям хвалебную оду, которая, видимо, достаточно искренне отражала настроения его сотоварищей [1, с. 3]:

«Господнею волей войны небывалой над Русью Великой волна разлилась,

И Русь воедино – и старый и малый – под стягом царя своего собралась...

И в это великое страшное время Царица – России Любимая Мать – Сестры милосердной изволила бремя на плечи свои, не колеблясь, принять.

Тяжелый тот крест на себя возлагая, его возложила на двух дочерей,

Любви неземной дать примеры желая, их юной и чистой душе поскорей...»

Вторая дочь Николая II, Татьяна Николаевна, курировала деятельность Особого комитета по делам беженцев, семей военнослужащих и погибших; занималась сбором пожертвований для помощи детям погибших, а также проблемам восполнения потерянного имущества [43, с. 15]. Для сбора пожертвований использовали проведение культурных и общественных мероприятий: выставок и концертов, демонстрацию киносеансов, создание подписных листов и практику добровольных сборов (церковный сбор, тарелочный сбор, фур-

ный сбор, обложение учащейся молодёжи). Комитет выступил инициатором патриотической акции – сбора информации о зверствах немецкой армии, и способствовал переводу на французский язык труда Резанова «Немецкие зверства» [43, с. 79], что являлось важнейшим пропагандистским шагом не только внутри России, но и на международной арене. До 20 апреля 1915 г. Комитет собрал 299 792 руб. 57 коп. [43, с. 41]. От императорской семьи было внесено 200 тыс. руб. [43, с. 122–123].

Одной из влиятельных и знаковых личностей в государстве являлась Вдовствующая императрица Мария Фёдоровна, супруга Александра III, царя-мученика. Она традиционно занималась организацией деятельности российского «Красного креста», поддержку которой оказывал Датский красный крест и принц Вольдемар. В России было известно о германофобских взглядах Марии Фёдоровны. Она всегда была против объединения Германии, германской политики на Балканах, ненавидела Бисмарка и Вильгельма II [12, с. 242]. С начала 1915 г. императрица проживала в Киеве, где активно занималась попечительской деятельностью, встречалась с воинами, организовала ремесленные курсы для социализации раненых. В центральном госпитале Киева также работала её дочь, Ольга Александровна [2, с. 215].

И, наконец, одним из самых позитивно воспринимаемых в обществе представителей Романовых являлся Николай Николаевич, назначенный императором на пост Верховного главнокомандующего первым военным Манифестом 20 июля 1914 г. П. Г. Курлов, занимавший пост главнокомандующего гражданской частью в Прибалтийском крае, представил следующую характеристику Николая Николаевича: «Он был образованным эскадронным командиром.... Несмотря на требовательность, был любим в полку... В своих суждениях проявлял чисто военную прямоту. Целиком ушёл в войну, непосредственно руководя боевыми действиями... В последствии Людендорф высоко оценивал его деятельность» [22, с. 174–175].

О популярности Николая Николаевича свидетельствует и немалое количество позитивных историй, героем которых он являлся, и которые передавались в среде простого народа в устной форме. Писатель В. Каррик вспоминал, что в глазах общественного мнения главнокомандующий был «человек энергичный, быстрый в расправах, жестокий, однако в пределах военной необходимости, но, главное, справедливый и притом справедливый с тенденцией в пользу слабого и угнетённого, то есть в демократическом вкусе» [18, с. 9]. В расска-

зах, сложенных солдатами, Николай Николаевич защищал их против несправедливости офицеров, наказывал антисемитов, заботился о раненых [18, с. 10]. Характерно, что в дальнейшем, когда император утратит доверие низов российского общества, Николай Николаевич сохранит свою популярность. Позитивное восприятие было перенесено и на Анастасию, жену главнокомандующего. О ней рассказывали, как однажды княгиня защитила раненого солдата от несправедливости и бездушия одного из офицеров: «За себя я простила бы вас, но за солдата простить не могу» [18, с. 17]. Среди крестьян распространялись слухи о том, что именно Николай Николаевич является гарантом решения земельного вопроса после завершения войны.

В список «героев» в общественном мнении были занесены имена монархов союзных государств. Как писал А. П. Семенов-Тяньшанский, имена английских монархов – короля Эдуарда VII, Георга V – будут «золотыми буквами вписаны в нашу историю» [37, с. 248]. Особенно тёплое отношение в российском обществе сложилось по отношению к бельгийским правителям – Альберту и Елизавете. Характерно, что в самой Бельгии чету воспринимали как монархов либерального духа, близких не столько к аристократии, сколько к художественной интеллигенции. Елизавета активно занималась благотворительностью, в 1909–1910 гг. в государстве были проведены реформы, позитивно воспринятые обществом [26, с. 178]. Решимость и мужество, проявленные Альбертом и Елизаветой на начальном этапе войны и по мере развёртывания конфликта, сделали их героями и в России. Немцы, стоящие у дверей Бельгии, имели десятикратное превосходство. Бельгию неизбежно ждала оккупация, но уступить врагу, по мнению короля, означало потерять и честь: «Наш ответ должен быть «нет», невзирая на последствия» [26, с. 182]. Альберт отклонил призыв Кайзера сдаться без борьбы, приказал взорвать мост через Маас у Льежа, туннели и мосты на границе с Люксембургом. Восхищённый решимостью монарха, журналист Борис Суворин обратился к нему лично: «Вы для нас полтора месяца тому назад чужой, а теперь близкий и дорогой... Мы имеем честь принадлежать к тому народу, который не задумался сжечь Москву, свою святыню. Мы знаем, что стоило это самопожертвование и это движение Ваше – разрушить плотины – запечатлеется на вечные времена...» [40, с. 18]. Комментируя значимость смелого политического решения, Суворин продолжал: «Первые бои под Льежем опрокинули наше прежнее представление о Бельгии, и мы вдруг увидели, что громадное благородное сердце бьется в этом маленьком народе

и бьётся вместе с сердцем дружеской нам Франции и нашим» [40, с. 18].

Оборона крепости Льеже продолжалась чуть меньше двух недель, что дало возможность мобилизовать силы других государств. Елизавета до последнего момента находилась в Брюсселе и Антверпене, а затем 4 года жила в прифронтовой зоне, занималась беженцами, посещая госпитали и санитарные поезда. В течение всей войны Альберт командовал бельгийской армией, которая оказывала упорное сопротивление немецким оккупационным войскам, что предоставило возможность Англии и Франции более тщательно подготовиться к Сражению на Марне. В конце войны Альберт со своей армией уже освобождал территорию страны от оккупантов и вошел в Брюссель как герой [26, с. 183].

Ореолом мужества в глазах российской общественности был наполнен образ Аделаиды-Марии, великой герцогини Люксембургской, которую Вильгельм заточил в замок Рюнгенсгоф (на Рейне). Когда немецкая армия подошла к Люксембургу, великая герцогиня собственным экипажем преградила путь захватчикам [7, с. 27].

В ходе поисков смыслов войны происходил процесс формирования не только позитивных символов, но и их антиподов, которые в системе общественного сознания также выполняли важную консолидирующую функцию. Если монархи государств-союзников рассматривались как «народные», то есть «всеобщие» герои, то основным злодеем, воплощением земного Антихриста для российского общества стал Вильгельм II. Особенность общественных настроений состояла в том, что для россиян образы Вильгельма и немецкого народа были отделены друг от друга. Об этом, например, свидетельствуют следующие строки из статьи писателя Алексея Толстого: «Он посылает на гибель детей своей родины» [42, с. 7].

Генерал от инфантерии, М. И. Ботьянов, заслуженный офицер, принимавший участие в Кавказской и Русско-японской войнах, комментировал: «Всё благополучие, достигнутое Германией за последние десятки лет, сведено Вильгельмом этим злым гением своей страны, на нет. И если в этом человеке, которого почему-то до сих пор считали не только талантливым, но и гениальным, чувство любви к Родине возьмёт верх над самолюбием, то он должен обратиться с просьбой о мире» [3, с. 8].

В восприятии россиян немец – не японец и не азиат, а европеец и представитель культурной нации. Поэтому осознание его в качестве врага должно было занять некоторое время. В этой связи весь-

ма симптоматичным видится эпизод, связанный с личным опытом князя Константина Николаевича. Возвращаясь из Вильно в Петербург 21 июля 1914 г. (на следующий день после выхода Манифеста о вступлении России в войну), Великий князь наблюдал за потоками беженцев, следующих в Россию из Германии. Увиденное поразило Константина Романова своей, как он был убеждён, бессмысленностью: «Зачем они бежали? Немцы не сделали бы им ничего дурного, ведь они же не варвары» [38, с. 263]. Как следует из данной цитаты, вступая в войну, не только общество, но и власть, сами Романовы до конца не осознавали, что ожидает империю. Мало кто осознавал глупину, трагизм и необратимость надвигающихся событий.

В глазах общественного мнения кайзер выступал основным виновником конфликта. Обсуждая события начала войны, Николай II охарактеризовал Вильгельма II следующим образом: «Ни одну минуту он не был искренен... Сам запутался в своей лжи и коварстве... Его невероятная безумная телеграмма имела целью, конечно, меня поколебать, сбить с толку, увлечь на какой-нибудь смешной и бесчестный шаг. Случилось как раз напротив. Я почувствовал, что между мною и Вильгельмом всё кончено и навсегда» [30, с. 131]. В сентиментах российского общества кайзер предстал как честолюбивый, неразборчивый в средствах властитель, мечтающий об единой могущественной Германии, диктующей свои условия остальным державам: «Мы, немцы, боимся только Бога и больше никого» [17, с. 5].

В восприятии низов общества Вильгельму II придавали черты комического персонажа. На фронте солдаты распевали песни, в которых был представлен карикатурный образ врага: «Как дождём до Берлина-городка, не отстанется от немцев и следа. А вернёмся мы в родимые леса, приведём домой Вильгельма за уса» [31, с. 186]. Такое отношение к своему антигерою со стороны общества свидетельствует об интуитивно выбранном методе снятия социального напряжения и использовании простого психологического приёма: избавление от страха лежит через ироническое отношение к нему.

Война породила обширную обличительную литературу, в которой образ врага поддавался постепенной материализации и уточнению. Если на начальном этапе войны простой немец-солдат – жертва политики, которого Вильгельм II силой своей власти толкает на войну и смерть, то постепенно он становится солдатом-разрушителем, ведущим войну варварскими и антигуманными способами, воюющий против основ цивилизации и уничтожающий её [7, с. 75]. В связи с разрушением г. Лувена и его художественных ценностей имени-

тый живописец Николай Рерих писал: «Варварское войско уничтожило прекрасные предметы всемирного значения. И не только армию винить нужно. Теперь уже все знают, что немцы – дики. Теперь пора вспомнить о так кичившейся культурной Германии. Надо вспомнить тех людей, которые в Германии называли себя хранителями и любителями искусства... Когда справедливость будет воздавать должное геройству Бельгии, то не забудьте, что в немецких музеях имеются предметы, которые могут отчасти возместить бельгийские потери. Пусть из варварских рук искусство переходит в культурные честные руки» [33, с. 81]. В статье Сергея Маковского «Гибель Реймского Собора» немцы представлены как настоящие вандалы, выступившие преднамеренно против ценностей цивилизации: «Нарушение законов войны, насилие над мирными жителями.. могут быть если не оправданы, то хотя бы объяснены... Но сознательная, методичная, злорадно обдуманная месть великому священной искусству... искусству веков – такая месть не имеет другого объяснения, как одно единственное: германская пресловутая культурность есть худшее из варварства, варварство образованного хама, обезумевшего от права на кровь...» [24, с. 79].

Таким образом, автоматически формируемые в общественном сознании лояльного (умеренного) общества социальные образы позитивного и негативного характера являлись рефлексией возникающих на начальном этапе войны патриотических настроений. Тем не менее, сама спонтанность проявления сантиментов свидетельствовала о некоторой неосознанности, ситуативности патриотического подъёма. Во всеобщем единении общества, в том числе и вокруг монархических символов, были заложены глубокие противоречия, выявление которых легко было предугадать. Возникшее в какой-то момент единство русского общества было чрезвычайно хрупким и условным. Вскоре стали проявляться прежние разногласия. Поскольку сама война усиливала потенциал разномыслия, патриотическая эйфория не могла сохраниться на долгое время.

Формирование нового образа войны и изменение восприятия монархии (1915–1916 гг.). Ещё в феврале 1914 г. П. Н. Дурново представил царю записку, в которой фактически предвидел сценарий будущей социальной ситуации: «Война ослабит монархические начала... Начнётся с того, что все неудачи будут приписываться правительству... В стране начнутся революционные выступления... Армия окажется деморализованной, чтобы стать основой законности и порядка. Законодательные учреждения и оппозиционно-интеллигентские

партии будут не в силах сдерживать народные волны,.. и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддаётся даже предвидению» [29, с. 500–501].

По мере того, как война превращалась из «декларации о намерениях» в наполненное событиями явление, и по мере того, как общество приходило к признанию её реальности, в общественном сознании происходили ощутимые изменения, приведшие к появлению элементов пессимизма и разочарования. Изменение контента образа «война» приводило и к изменению его парного образа – монархии.

Россия заболела войной, и усталость от неё стихийно разливалась в разных социальных группах, вызывая раздражение против власти и монархии, нёсшей в глазах общества основную ответственность за неудачи. Первые свидетельства данных настроений представлены достаточно рано. В записях М. Палеолог, датированных 4 сентября 1914 г., посол зафиксировал странные для него сведения, почерпнутые из беседы с «тайным осведомителем», который сообщал следующее: «Есть один элемент, который... играет большую роль, особенно в высших сферах... близких к монархам... Уже давно обращают внимание на неудачи императора; знают, что ему не удаётся всё, что он предпринимает, что судьба всегда против него, наконец, что он явно обречен на катастрофы...». В ответ на высказанный дипломатом упрек в нерациональности такого подхода оценки политика, собеседник пояснял: «Мы русские суеверны. Разве не очевидно, что императору предопределены несчастья? Ряд несчастий предопределён событиями на Ходынском поле 1894 г... Желает сына, но рождаются 4 девочки. А долгожданный наследник неизлечимо болен. Не любит власть, и его жена – несчастная, нервная, больная. В войне на Дальнем Востоке армия разбита, флот потоплен. Революция по всей стране, и убит великий князь Сергей Александрович, а затем – Столыпин» [30, с. 98–99]. В конце беседы собеседник подводит итоги: «Вы признаёте, Ваше превосходительство, что император обречён на катастрофы и что мы имеем право бояться, когда размышляем о перспективах, которые эта война открывает перед нами» [30, с. 98–99].

Наблюдая за новым проявлением общественного пессимизма, проявившимся в декабре 1914 г. в связи с польской операцией, М. Палеолог рассуждал: «Странная психология у этого народа, способного на самые благородные жертвы, но взамен так быстро поддающегося унынию и отчаянию, заранее принимающего всё самое худшее» [30, с. 135]. В подтверждение своим мыслям он приводит вы-

сказывание некоего барона Г.: «О император, император... Теперь он взбешён на Германию, но скоро поймет, что ведёт Россию к гибели... Его заставят это понять...» [30, с. 134–135].

Следующая запись, отражающая некоторые минорные настроения в системе настроений российского общества, записаны М. Палеолог в январе 1915 г.: «В военных неудачах обвиняют не Николая Николаевича, а чаще императора и Александру Фёдоровну. О ней ходят самые нелепые слухи: называют немкой, Распутин якобы продался Германии. Несправедливые обвинения. Императрица последние годы возненавидела Вильгельма. Во время пожара Лувена она говорила: «Я краснею, оттого, что была немкой» [30, с. 146].

5 февраля 1915 г дипломат зафиксировал высказывания министра земледелия Кривошеина о важности сохранения престижа монархической идеи и рисках его понижения: «Антагонизм между императорской властью и гражданским обществом есть самый тягосный бич нашей политической жизни... Я говорил: «Будущее России останется непрочным, пока правительство и общество будут смотреть друг на друга как на два противоположных лагеря, пока каждый из них будет обозначать другого словом «они» и пока они не будут употреблять слово мы, чтобы указать на совокупность русских... Но разве можно проводить реформу во время войны? Конечно нет, потому что, наконец, если царизм имеет важные недостатки, он имеет также и перво-классные достоинства: это – могучая связь между разнородными элементами, которые работой веков понемногу собраны вокруг старой Московии. Только царизм создаёт наше национальное единство... Учреждение Думы в 1905 г. – громадное событие, которое изменило нашу политическую психологию. ...Как я говорил на днях Его Величеству, существенная задача министров устранить несогласие между правительством и общественным мнением» [30, с. 158].

Падение престижа монархии многие рассматривали как фатальное для России явление, которое неизбежно приведёт к кардинальным необратимым последствиям. 2 июня 1915 г. один из крупнейших промышленников на дипломатическом обеде вдруг заявил: «Дни царской власти сочтены; она погибла, погибла безвозвратно; а царская власть – это основа России, единственное, что сдерживает её национальную целостность... Отныне революция неизбежна; она ждёт только повода, чтобы вспыхнуть ... но революция ещё не худшее зло, угрожающее России... У нас же революция может быть только разрушительной, потому что образованный класс представляет в стране лишь слабое меньшинство, лишённое организации и

политического опыта, не имеющее связи с народом...Вот величайшее преступление царизма: он не желал допустить помимо своей бюрократии никакого другого очага политической жизни [30, с.177]». В данных рассуждениях, полных сожаления, возможное падение формы государственного правления возлагалось на самого субъекта власти, и объяснялось его неспособностью к саморазвитию и пониманию потребностей общества в условиях военного кризиса.

Отступление русской армии весной–летом 1915 г. наглядно продемонстрировало просчёты в подготовке страны к войне. К осени кадровая армия была фактически выведена из строя; Россией были потеряны большая часть Галиции, Польша, часть Прибалтики и Белоруссия. В провалах обвиняли не только военного министра С. Н. Сухомлинова. Возникли слухи о предательстве в окружении царя, что явилось фатальным ударом по нравственному авторитету монархии [31, с. 104–105]. В «царящей везде измене», немецком за- силье обвиняли именно Николая II как человека, принявшего на себя основную ответственность за государство. Измена монарха состояла как минимум в том, что он пропустил и допустил врага. Подобные настроения с некоторыми вариациями присутствовали в сознании каждой социальной группы.

Десакрализация образа монарха прослеживается в мировоззрении крестьянства. Осенью 1915 г. крестьяне на Юге империи всё ещё верили в якобы обещанную царём реформу, и некоторые из них, по свидетельству современников, подыскивали земли для будущей приватизации [18, с. 47]. Как было замечено ранее, крестьянство воспринимало власть метафизически. Власть в рамках крестьянского сознания рассматривалась не как сфера человеческой деятельности, а как область сакрального: истины-справедливости, или же её противоположности – тьмы. Военные неудачи демонстрировали, что власть не в состоянии обеспечить внутренней стабильности государства. Власть оказалась слабой, что, по мнению Э. Фромма, являлось выражением «греховности власти» [44, с. 17]. Данная позиция крестьянского мировоззрения нашла преломление, например, в пословицах: «За царское согрешение Бог всю землю казнит, за угодность милует», «народ согрешит – царь умолит. Царь согрешит – народ не умолит» [32, с. 213].

Таким образом, инверсия образа монарха произошла в связи с тем, что у крестьянства накопилась, согласно С. В. Лурье, определённая критическая масса опыта негативного восприятия императора [23, с. 213]. Когда 25 августа 1915 г. Николай II принял реше-

ние стать верховным главнокомандующим, это воспринималось как авантюра и слабость, поскольку, как уже упоминалось ранее, царь, родившийся в день Иова многострадального, был обречён на несчастья [23, с. 123]. Кроме этого, дискредитация монархии происходила и в связи со слухами о похождениях Распутина, его влиянии на царя и императрицу: «Весь царский дом – разврат» [31, с. 107]. Николая II также обвиняли в чрезмерных тратах в тот момент, когда все переходили на режим экономии.

В работах О. С. Поршневой, посвящённых изучению настроений низов в годы мировой войны, приведены некоторые, важные для нас свидетельства относительно восприятия монарха крестьянством. Например, по результатам реальных военных просчётов, причины которых были непонятны крестьянству, в сознании народа складывались незамысловатые легенды, где была выработана простая версия объяснения неудач. Так, после падения крепости Ковно, которая, по слухам, была сдана из-за предательства коменданта, крестьянин И. Т. Савелов из д. Бурцево рассуждал: «Не коменданта надо убить, а царя за то, что допустил» [31, с. 106]. Крестьянин Е. А. Чумаков был настроен более решительно: «Убить бы давно нужно нашего Государя, какую власть он дал немцам» [31, с. 105]. Среди крестьян стали распространяться слухи о том, что Мария Фёдоровна, преданная немцам, привезла обоз с продовольствием в Ковно для вражеской армии. Она же отсылала золото вагонами в Германию, а Николай Николаевич якобы «продал Карпаты или всю Россию за бочку золота», и потому исход предreshён: война неизбежно будет проиграна. Также встречались утверждения о том, что царь продал немцам Перемышль, Львов, Варшаву, Ригу за 20 млн руб. [31, с. 106]. По свидетельству Поршневой, в судах частыми стали процессы по обвинению крестьян в «заочном оскорблении государя-императора» [31, с. 84]. Таким образом, свидетельства трансформации образа монархии в сознании крестьянства отчётливо прослеживаются к началу 1916 г.

Вместе с тем, антимонархические сентименты в народной среде не следовало абсолютизировать. Настроения народа в тылу, столице и на фронте отличались. Как следовало из рассказа генерала Д. Н. Дубенского (датированы 1 марта 1917 г., кануном отречения), императорский поезд прибыл в Старую Руссу. Тёплый приём, оказанный монарху, произвёл на генерала сильное впечатление: «Около часовни сгруппировались монахини местного монастыря... Толпы народу. Все снимали шапки, кланялись. Настроение глубоко со-

чувственное к царю: «Слава Богу, удалось хотя бы в окошко увидеть бытошку-царя»...» [15, с. 54–55]. Генерал размышлял: «Невольно думалось о той разнице отношения к царю среди простого народа в глубине провинции... и теми революционными массами Петрограда с его солдатскими бунтами...» [15, с. 54–55].

Армия ждала скорой победы, но когда к концу 1915 года стало понятным, что война приобретает затяжной характер, в армейской среде начали воскресать старые антимонархические настроения: российская армия воспроизводила в себе социальный срез и основные конфликты огромного и многоструктурного общественного организма империи. По мере усиления усталости от войны крестьянская психология солдата указывала ему на конкретного виновника его страданий – предательство офицеров и министров. В начале 1916 г. категория предательства применялась и по отношению к монарху. В феврале 1916 г. В. Каррик зафиксировал диалог между двумя солдатами: «Царь на фронт поехал – быть беде. – Нет, теперь не будет. – Почему? – Он в сопровождении английских и французских генералов. Они ему не позволяют немцам сигналы подавать» [18, с. 33]. В Казанском военном округе военная цензура системно находила письма критического содержания (анализ за 1915–1917 гг.). В солдатских письмах были представлены следующие мнения: 1) царь не может править Россией (0,85 %); 2) «на Руси царит несправедливость, правители льют кровь народа» (4,05 %); 3) Николай II – виновник войны (2,08 %, ноябрь 1916 г.); 4) Николай и Вильгельм – заодно, лучше без царей (1917 г.) [31, с. 202].

Особенно негативно в армейской среде воспринимали супругу монарха – Александру Фёдоровну. В одном из солдатских анекдотов, представленных Карриком, читаем: «Плачет царевич Алексей. – Почему плачешь? – Как же мне не плакать. Если русских бьют – папа плачет. Немцев бьют – мама плачет» [18, с. 33]. Как следует из данной истории, в лабиринтах общественного мнения Николай II, при всей его «негодности» возглавлять армию и Россию, был «лучше и чище», чем его жена. По свидетельствам современников, «по окопам открыто ходили разговоры о том, что войну наслали на Россию немецкие советчики государя императора, которые при дворе в большой силе. А за ними стояла сама императрица» [31, с. 202]. Таким образом, в категорию образа «внутреннего врага», который традиционно возникает в любом государстве в период войны на гребне борьбы со шпионажем, была втянута и монаршая семья. Случилась прискорбная трансформация общественных представлений: семья рос-

сийского монарха, символа государства, переходит в состав антигероев юридически подданного ему российского общества. Ещё более печальным был тот факт, что ни сам монарх, ни его супруга не делали никаких серьезных выводов в связи с данными изменениями.

По свидетельству генерала А. А. Масолова, начальника канцелярии Министерства императорского двора (1900–1916), «государыня слишком мало считалась с общественным мнением» [25, с. 12]. Это, например, касалось её личных отношений с Григорием Распутиным, которые в обществе трактовались по-разному. По окопам с конца 1915 г. ходила пословица: «Царь с Егорием, а царица с Григорием». Масолов также сообщал, что на фронте ходили слухи, будто бы Распутин влиял на императрицу, склоняя её к сепаратному миру. Сам же Распутин, якобы в личной беседе упоминал: «Это я до войны был за дружбу с немцами. Это лучше было для государя. А раз началась война, то надо добиваться победы, а то государю будет плохо» [25, с. 12, 14].

Если император постепенно утрачивал кредит общественного доверия, то Николай Николаевич сохранял уважение и, особенно после его смещения с должности верховного главнокомандующего, выступал в качестве положительного антипода Николая II. По мнению солдат, именно главнокомандующий раскрыл заговор предателя – полковника Мясоедова, близкого к министру Сухомлинову (последний, следовательно, тоже негодяй). В народных историях описаны обстоятельства разоблачения. Николай Николаевич якобы похлопал офицера по плечу и случайно обнаружил бумагу, которая оказалась тайным донесением немцам [18, с. 13]. Говорили также, что уже с ноября 1914 г. Николай Николаевич постоянно вступал в противоречия с императором. Он, в отличие от императора, – человек чести, борец со шпионством, который имел смелость высказать монарху: «Приезжай ко мне без свиты. У меня и своих предателей полно» [18, с. 10]. Он противостоял Распутину, а во время отставки Николай Николаевич якобы дерзко ответил императору: «Смотри, как бы не получилось, что вместо Николая II будет Николай III» [18, с. 36]. По мнению солдат, его приход к власти позволил бы реализовать земельную реформу, проект которой, как упоминалось ранее, был составлен главнокомандующем на начальном этапе войны.

Позитивное отношение со стороны российского общества сохранила и Мария Фёдоровна. Она с возмущением отнеслась к предложению Германии о мире (декабрь 1916 г.): «Мы все находимся под впечатлением немецких предложений. Всё время одно и то же. Он

(Вильгельм) стремится стать в позу миротворца и возложить свою ответственность на нас. Я очень надеюсь, что никто не попадётся на эту уловку» [20, с. 449]. Вдовствующая императрица неоднократно высказывалась против Распутина: «Несчастливая моя невестка не понимает, что она губит и династию, и себя. Она искренне верит в святость какого-то проходимца, и все мы бессильны отвести несчастье» [20, с. 451].

Удивительно, но по мере десакрализации имиджа российского монарха, изменениям подвергался и образ Вильгельма II. **Воинственный** и коварный, враг всего человечества вдруг стал восприниматься по-иному, вопреки замыслам пропагандистов. Его карикатуры всё более давали повод для оскорбления русского царя, которому противопоставлялся деловой и удачливый Вильгельм. Немецкий кайзер, коварный и не уважающий другие народы, всё же был решительным правителем, а русский царь, по новым версиям, пьянствовал и «по заведениям ходил». Другими словами, на фоне германского монарха воспринимался как царь-дурак [19, с. 271]. В связи с этим уместно будет процитировать очередной анекдот, переданный Карриком: «Кто кредитоспособнее, Вильгельм или Николай II ? – Николай. – Почему? – Он что не возьмёт, всё сдаёт (март 1915)» [18, с. 24].

Усиленная военными и экономическими обстоятельствами, смена общественных настроений из категории мировоззренческой переросла в политику. В лояльном обществе заговорили о необходимости если не свержения монархии как института, то смены монарха. Ещё в сентябре 1915 г. В. А. Маклаков поместил статью, в которой, критикуя монарха, представил ситуацию в государстве в виде метафоры о «нерадивом водителе»: «Вы едете в машине, и рядом с Вами сидят дорогие и близкие Вам люди. Вы видите, что водитель неумелый. Вопрос: как удалить шофёра, если он сам уйти не хочет?» [29, с. 591]. Похожие настроения прослеживались и в народном фольклоре. Одна из поговорок формулировалась следующим образом: «Бога нет, царя не надо. Мы на кочке проживём» [45, с. 209]. Весьма знаковым является и анекдот, процитированный простой девушкой-гимназисткой: «Девочка приходит домой и сообщает матери: «Нам учитель географии рассказывал, что во Франции нет царя. Как же они без царя?» – Ответ: Да вот, так и маются!» [18, с. 52]. Ирония, присутствующая во всех представленных выше сюжетах, свидетельствует о том, что критические настроения относительно монархии пронизывали все мировоззренческие структуры, что свидетельствовало о политической дезориентации общества и его попытках найти новые мировоззренческие смыслы.

Сам император, возможно понимая сложность ситуации, был не только её создателем, заложником, но и, наконец, жертвой. Он принимал некоторые шаги для того, чтобы поддерживать патриотический подъем в государстве даже в условиях военных неудач. Например, как утверждал Мосолов, «царь полагал, что своим вступлением в командование он поднимет дух войск... Решение стоило царю дорого. Сочувствия и понимания он нашёл мало, но веление долга, как он его понимал, исполнил» [25, с. 87]. В воспоминаниях одного из свидетелей отречения императора генерала Д. Н. Дубенского, датированных 28 февраля 1917 г., находим следующие строки: «Царь сказал генералу Иванову свои грустные и тяжелые соображения: «Я берёг не самодержавную власть, а Россию. Я не убеждён, что перемена формы правления даст спокойствие и счастье народу»... Государь говорил о той упорной агитации, которая давно ведётся против него самого и императрицы и скорбел о том, что лучшим стремлением никогда не верили, а злобные слухи доходили до того, что высказывались подозрения о возможности сношений между ним и врагом России – императором Вильгельмом» [15, с. 53].

Уже зимой 1916–1917 гг. государь с горечью наблюдал, как терял поддержку и понимание самых близких к нему людей. Великий князь Николай Михайлович (историк, председатель Русского Географического и Русского исторического обществ) выступил с обращением к Николаю II. Князь обвинял императора в бездействии: даже в самые критические моменты своего правления Николай предпочитал прибегать к «своему излюбленному способу ничего не отвечать на самые категорические заявления, и завершать аудиенцию обворожительной любезностью» [10, с. 16]. В письме от 1 ноября 1916 г. Николай Михайлович писал императору: «Ты неоднократно выражал свою волю довести войну до победного конца. Уверен ли ты, что при настоящих тыловых условиях это возможно?» [10, с. 16]. Князь также предостерегал императора от влияния супруги: «Ей нельзя верить. Твои первые порывы всегда замечательно верны. Но как только являются другие влияния, ты начинаешь колебаться и последующие твои движения уже не те. Если бы тебе удалось устранить это постоянное вторжение тёмных сил, началось бы возрождение России, и вернулось бы *утраченное тобою доверие громадного* большинства твоих подданных... Ты находишься накануне эры новых волнений, новых покушений...» [10, с. 17]. Данное обращение не привело к диалогу двух близких по крови людей. Николай Михайлович, историк, человек радикальных взглядов, и радикальный оппонент царствующей

щего монарха, был фактически сослан в своё имение – с. Грушовка, то есть подвергнут репрессиям [20, с. 451]. После убийства Распутина Великий князь Дмитрий Павлович, замешанный в заговоре, также был отправлен на Персидский фронт [5], Кирилл Владимирович – командирован в Мурманск, Борис Владимирович – на Кавказ. О противоречиях внутри «семьи» заговорили в обеих столицах. В январе 1917 г. по стране ширились слухи о заговоре 47-ми, возглавляемых якобы Николаем Михайловичем с целью «заточить императрицу в монастырь и вынудить Николая II отречься от престола» [18, с. 51]. По некоторым свидетельствам, тифлисский городской голова Затисов совершил поездку на Кавказ с целью предложить Николаю Николаевичу принять власть после переворота [29, с. 609].

Наблюдая за тем, как Николай II словно преднамеренно способствует падению своего авторитета, совершает своё политическое самоубийство, влиятельные дипломаты, М. Палеолог и Дж. Бьюкенен, стремились обратить внимание монарха на совершаемые им ошибки. В ответ на осторожные увещевания со стороны Н. Бьюкенена, Николай II достаточно резко ответил: «А не так ли обстоит дело, что моему народу следует завоевать моё доверие?» [29, с. 611]. Николай до конца не осознавал причины непопулярности царицы. В личной беседе с Великой княгиней Викторией Фёдоровной он высказал своё удивление по данному вопросу: «Какое отношение к политике имеет Алиса? Она сестра милосердия и ничего более» [29, с. 611]. Словно комментируя положение монарха в начале 1917 г., П. Г. Курлов вспоминал: «Государь уже был одинок. Печать называла его «Николай кровавый» [22, с. 13]. В 1917 г. печать, «угодная новым господам, дерзала называть государя чуть ли не идиотом, и говорила о нём как о пьянице, считая совершенно доказанным отсутствие у него всякой воли...» [22, с. 17].

2 марта 1917 г. Николай II принял решение об отречении. Февральская революция, продовольственный кризис, военные мятежи, а также ближайшее окружение императора подтолкнули его к принятию данного непростого решения: «Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, всё будущее дорогого нашего отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца.....Почли мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение... признали мы за благо отречься от престола Государства Российского и сложить с себя верховную власть» [9, с. 12]. В ближайшее время после данного события Великие князья присягнули на верность Временному правительству. Монархическая

идея оказалась провальным концептом в том числе и по той причине, что в её целесообразности разуверились и сами представители правящей в России монархической династии.

Выводы. С началом Первой мировой войны российское общество, разобщенное социально и идеологически, оказалось перед жизненно необходимой потребностью поиска объединительного концепта. От его наличия зависела проблема выживания государства в условиях мирового конфликта. Вопреки тому, что идея сплочения всех подданных империи под эгидой монархии, как возможный идеологический проект, на первый взгляд, была исторически заблокирована предшествующим десятилетием развития государства, в условиях отсутствия гражданского общества она оказалась единственно пригодным лозунгом активизации патриотических настроений. При этом монархический концепт не был самодостаточным, и в качестве его реактиваторов-проводников выступили идеи справедливой войны и общеславянского единства.

Патриотические настроения артикулировали лояльное российское общество (сегмент населения, не разделявший право- и левоэкстремистскую риторику) на личность монарха, который принял на себя функцию представительства всех своих подданных, создавая в глазах общественности образ преданного, решительного и ответственного за судьбу России «отца Отечества». Сакральность данному образу придавало фактически метафизическое по характеру отношение к власти со стороны народных низов, которые составляли большую часть населения, а в условиях войны являлись основными объектами мобилизации. Вокруг монархической объединительной идеи также ситуативно сформировался образный строй народных (в широком смысле этого слова) символов и антигероев, которые также работали на идеологию консолидации, усиливая и конкретизируя её.

Однако концепция, приобретая на некоторый период времени активность, находилась в зависимости от характера восприятия связанных с ней «пусковых» идей-мотиваторов. Лозунги единения с монархом сохраняли свою привлекательность до тех пор, пока идеальный образ справедливой войны (войны через призму победной перспективы) не воплотился в жизнь, приобретая реальные конкретно негативные коннотации (война – смерть, кровь, разрушения, неудачи). Изменение образа войны неизбежно повлекло за собой и перемену настроений относительно царя и российской монархии в целом, которые не выполнили свою великую функцию защиты Отечества. Слабость монархии стала рассматриваться обществом как её пассив-

ность и греховность, а, следовательно, содержательные основы образа утратили своё символическое значение, приобретая новую эмоциональную окраску, превращая императора не только в антигероя, но и во врага Отечества. Синдром обманутых ожиданий привёл к тому, что в сознании лояльного общества война утратила свой патетический цивилизационный смысл. Образовавшиеся в результате этого «мировоззренческие пустоты», предоставляли пространство для разного рода экстремистской агитации. Последнее неизбежно приводило к радикализации всего российского общества. Таким образом, падение престижа монархии в условиях несформировавшейся в Российской империи нации и гражданского общества (взаимосвязанные процессы) приводило к ретроградным для России последствиям, воплотившимся в революционных событиях.

Библиографические ссылки

1. Августейшие сёстры милосердия / сост. Н. К. Зверева. – М. : Вече, 2008.
2. Александр Михайлович. Великий князь. Воспоминания / Александр Михайлович. – М. : Харвест, 2004.
3. Ботьянов М. И. Цель войны / И. М. Ботьянов // Великая война в образах и картинах / ред. И. Лазаревский. – М. : Тов. тип. А. И. Мамонтова, 1915. – Вып. 1. – С. 8–10.
4. Булдаков В. П. Первая мировая война и имперство / В. П. Булдаков // Первая мировая война: Пролог XX века. – М. : Наука, 1999. – С. 21–25.
5. Быков А. В. Путь на Голгофу. Хроника гибели великих князей Романовых / А. В. Быков. — Вологда : МДК, 2000.
6. Великий князь Гавриил Константинович. В Мраморном дворце: из хроники нашей семьи. – СПб. : Логос. 1993.
7. Великая война в образах и картинах / ред. И. Лазаревский. – М. : Тов. Тип. А. И. Мамонтова, 1915. – Вып. 1.
8. Великая война в образах и картинах / ред. И. Лазаревский. – М. : Тов. Тип. А.И. Мамонтова, 1915. – Вып. 2.
9. Вестник Екатерининской железной дороги.– № 489/9-10. – 12 марта 1917 г. – С. 12.
10. Вестник Екатерининской железной дороги. – № 490. – Март 1917 г. – С. 16.
11. Высочайший Манифест от 20 июля 2014 г. // Весь Екатеринослав, 1915. – Екатеринослав : Изд-во Сатановского, 1915. – С. 65.
12. Вульф Д. Дом Романовых и Германия / Д. Вульф // Европейские монархии в прошлом и настоящем. – СПб : Алетейя, 2001. – С. 240–245.
13. Вырубова А. Воспоминания о российском дворе / А. Вырубова. – М. : Орбита, 1993.

14. Дьячков В. Л. Великая война и общественное сознание: превратности индоктринации и восприятия / В. Л. Дьячков, Л. Г. Протасов // Россия и первая мировая война. – СПб. : Дмитрий Булавин, 1992. – С. 58–66.

15. Дубенский Д. Н. Как произошёл переворот в России / Д. М. Дубенский // Отречение Николая II: воспоминания очевидцев, документы. – М. : Советский писатель, 1990. – С. 54–55.

16. Емец В. А. «Национальные интересы» во внешней политике России в преддверии Первой мировой войны / В. А. Емец // Первая мировая война: Пролог XX века. – М. : Наука, 1999. – С. 39–44.

17. Император Вильгельм Второй // Великая война в образах и картинах / ред. И. Лазаревский. – М. : Тов. Тип. А. И. Мамонтова, 1915. – Вып. 1. – С. 15–16.

18. Каррик В. В. Война и революция. Записки 1914–1917 гг. / В. В. Каррик // Голос минувшего. – С. 5–75..

19. Колоницкий Б. И. Политические функции англофобии в годы мировой войны / Колоницкий Б. И. // Россия и первая мировая война. – СПб. : Дмитрий Булавин, 1992. – С. 271–278.

20. Кудрина Ю. В. «Ужасно думать, что это только начало»: война глазами вдовствующей императрицы Марии Федоровны / Ю. В. Кудрина // Первая мировая война. Пролог XX века / отв. ред. В. Л. Мальков. – М. : Наука, 1999. – С. 446–452.

21. Купцова И. В. Когда пушки стреляют музы молчат? / И. В. Купцова // Клио. – 1997. – № 1. – С. 107–114.

22. Курлов П. Г. Гибель императорской России / П. Г. Курлов. – М. : Современник, 1991.

23. Лурье С. В. Метаморфозы традиционного сознания. Опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применение к анализу исторического и этнографического материала / С. В. Лурье. – СПб. : Изд-во Котлякова, 1994.

24. Маковский С. Гибель Реймского собора / С. Маковский // Великая война в образах и картинах / ред. И. Лазаревский. – М. : Тов. Тип. А. И. Мамонтова, 1915. – Вып. 2. – С. 79–80.

25. Масолов А. А. При дворе последнего императора: записки начальника Канцелярии министерства двора / А. А. Масолов. – СПб. : Наука, 1992.

26. Намазова А. С. Герои Бельгии – король Альберт и королева Елизавета / А. С. Намазова // Европейские монархии в прошлом и настоящем. – СПб. : Алетейя, 2001. – С. 175–186.

27. Несин В. Зимний дворец в царствование последнего императора Николая II / В. Несин. – СПб. : Летний сад, 1999.

28. Носков В. В. «Война, в которую мы верим»: начало первой мировой войны в восприятии духовной элиты России / В. В. Носков // Россия и первая мировая война. – СПб. : Дмитрий Булавин, 1992. – С. 326–339.

29. Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II / С. С. Ольденбург. – М. : Терра, 1992.

30. *Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны / М. Палеолог. – М. : Междунар. отношения, 1991.
31. *Поршнева О. С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны / О. С. Поршнева. – М. : РОССПЭН, 2004.
32. Пословицы и поговорки русского народа / собр. В. И. Даля. – М., 1984. – Т. 1. – С. 213.
33. *Рерих Н. К.* Лувен сожжен / Н. К. Рерих // Великая война в образах и картинах / ред. И. Лазаревский. – М. : Тов. Тип. А. И. Мамонтова, 1915. – Вып. 2. – С. 80 – 83.
34. Русский архив. – 1922. – № 2. – С. 31–32.
35. *Сайн-Витгенштейн К. Н.* Дневник 1914–1918 / К. Н. Сайн-Витгенштейн. – М.; Париж : Умка-Пресс, 1986.
36. *Сазонов С. Д.* Воспоминания / С. Д. Сазонов. – М. : Воспоминания, 1991.
37. *Семенов-Тянь-Шанский А. П.* Англия – естественный союзник России / А. П. Семенов-Тянь-Шанский // Великая война в образах и картинах / ред. И. Лазаревский. – М. : Тов. Тип. А. И. Мамонтова, 1915. – Вып. 5. – С. 244–252.
38. *Смирнов Н. Н.* Война и российская интеллигенция / Н. Н. Смирнов // Россия и первая мировая война. – СПб. : Дмитрий Булавин, 1992. – С. 257–270.
39. *Станкевич В. Б.* Воспоминания, 1914–1919 / В. Б. Станкевич. – Берлин : Типография И. П. Ладыжникова, 1920.
40. *Суворин Б.* Король великого народа / Б. Суворин // Великая война в образах и картинах / Ред. И. Лазаревский. – М. : Тов. Тип. А. И. Мамонтова, 1915. – Вып. 1. – С. 38–40.
41. *Суворин А.* Дневник / А. Суворин. – М. : Новости, 1992.
42. *Толстой А. Н.* Предисловие / А. Н. Толстой // Великая война в образах и картинах / ред. И. Лазаревский. – М. : Тов. Тип. А. И. Мамонтова, 1915. – Вып. 1. – С. 4–7.
43. Труды комитета Её императорского Высочества Татьяны Николаевны с местными представителями 3–7 мая 1915 г. – Пг. : Гос. типография, 1915.
44. *Фромм Э.* Бегство от свободы / Э. Фромм. — М. : АСТ; АСТ Москва, 2009.
45. *Шаргунов А.* Последний русский император и перспективы восстановления православной монархии в России / А. Шаргунов // Европейские монархии в прошлом и настоящем. – СПб: Алетей, 2001. – С. 205–215.
46. *Шеманский А. Д.* Великая война / А. Д. Шеманский // Великая война в образах и картинах / ред. И. Лазаревский. – М. : Тов. Тип. А. И. Мамонтова, 1915. – Вып. 1. – С. 9–20.